

ДМИТРИЙ
СТЕШИН

КОРОТКО
И ЖУТКО

ВОЕНКОР
СТЕШИН

Публицистический роман

Дмитрий Стешин

Коротко и жутко. Военкор Стешин

«Питер»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-49

Стешин Д. А.

Коротко и жутко. Военкор Стешин / Д. А. Стешин — «Питер»,
2018 — (Публицистический роман)

ISBN 978-5-4461-0829-9

Дмитрий Стешин – журналист, корреспондент «Комсомольской правды». Освещал «цветные революции» и военные конфликты в Египте, Тунисе, Ливии, Сирии, Осетии, Косово, на Северном Кавказе и Украине. Лауреат и победитель ряда премий в области журналистики, награжден медалями за освещение военных конфликтов. «Коротко и жутко» – это сборник рассказов, написанных автором в горячих точках. В сборник вошли события четырех военных конфликтов – в Южной Осетии, Новороссии, Сирии, Ливии. В пятую часть вошли рассказы о Великой Отечественной войне, написанные автором во время работы с поисковыми отрядами в Новгородской области. Емкие, страшные в своей военной обыденности заметки без пафоса и громких слов показывают войну, которую не увидишь по телевизору. Войну, которая несет только страх и смерть, обстреливает детей с воздуха и сжигает заживо мирное население.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-49

ISBN 978-5-4461-0829-9

© Стешин Д. А., 2018
© Питер, 2018

Содержание

Предисловие	6
Великая Отечественная война	7
Контрибуция	7
Мертвые ждут бессмертных	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Стешин
Коротко и жутко. Военкор Стешин

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Публицистический роман», 2018

© Обложка А. В. Гуриненко, 2018

* * *

Предисловие

Эта книга начинается с рассказов о прошлой войне, которая давно закончилась, но мы все равно постоянно оглядываемся на наших павших предков и безмолвно сверяем с ними свою жизнь и поступки. Их кровь течет в наших жилах, они смотрят на этот мир нашими молодыми глазами и продолжают любить и ненавидеть.

Так получилось, что за последние 15 лет я не пропустил ни одной войны. Чечня, Беслан, Нальчик, Косово, Афганистан и Южная Осетия. Революции в Киргизии, Молдавии, Монголии, Египте, Тунисе, на Украине. Ливия, потом сразу же Сирия и, наконец, Крым и Донбасс. Я был на войне дольше, чем некоторые люди на свежем воздухе. Но я никогда не брал в руки оружие, свято соблюдая журналистский кодекс. Моя щепетильность никак не повлияла на численность людей, желающих моей смерти и смерти моих товарищей-журналистов, чьи образы тоже есть в этой книге. Если некие «доброжелатели» рассылают по Интернету твой портрет с геотегом и «добрым» напутствием: «Ребята-снайперы, не промахнитесь, этот орк сейчас на позициях у шахты 6/7», ты лишний раз убеждаешься, что все делаешь правильно. Твоя работа нужна людям по обе стороны фронта. Сакральное понимание ее смысла пришло ко мне только во время осады Славянска, «славянского сидения». Жалкая кучка плохо вооруженных ополченцев удерживала город, окруженный 15-тысячной войсковой группировкой. Город, с утра до ночи избиваемый тяжелой артиллерией «по площадям», неприцельно. И всем окружающим меня людям было понятно, что шансы выбраться живыми и здоровыми ничтожны, как бы крепко тебя ни ждали дома. Это были идеальные условия, чтобы обрести свою экзистенцию и понять, что война – это разговор человека с Богом без посредников. Бог назначил тебя ретранслятором чужого горя. И только со стороны кажется, что это горе проходит через тебя бесследно – встряхнулся, умылся и пошел дальше с блокнотиком и видеокамерой.

В газетных репортажах невозможно передать, что ты ощущаешь сам, оказавшись в таких «звиздорезах». Там нет смутных сбывающихся знаков-предостережений, нет твоей веры, твоего ужаса, смятения, внезапных озарений и видений. Почти нет цинизма и жалости. Все эти чувства и драматургию я оставил для этой книги.

Великая Отечественная война

Контрибуция

1

Дед Саня вывернул руль вправо и дернул рычаг передач на себя до отказа. Мотоцикл взревел, попятился, соскальзывая в танковую колею, и наконец выбрался на проталинку с сухой травкой, встав к лесу задом, а к останкам деревни Залучье передом. Елочка так и спала в коляске, укутанная по самый пяточок солдатским одеялом. Дед не стал ее пока будить и присел на задок коляски, туда, где когда-то крепилось запасное колесо.

Швейцарские часики-брусочек уже не светили зелеными стрелками: мгла с полей поползла обратно, в гниющий лес, а из леса в ответ пахнуло целым букетом: каким-то целлулоидом, газойлем, гарью древесной и тряпочной, горечью тротила и мерзкой трупной сладостью. Из тяжелой серебряной ладанки с лаковой Девою Марией на крышечке дед натряс на бумажку дивного табаку. В пестрой причудливой смеси встречался и зелено-бурый деревенский самосад, и янтарный анатолийский табачок, и пригоревшие крошки от разноразных окурков. Попадался и немецкий капустный лист, вымоченный в синтетическом никотине, и даже пластинчатая сигарная шелуха.

Закурив, дед осторожно покопался в мотоциклетной коляске и выудил за тонкий ремешок скользкий черный футляр с биноклем. Потом он долго дымил и долго вышаривал через «лейцевские» стекла изломанную окраину леса, пока совсем не заслезились глаза.

Дурной был лес, бестолковый. Дерево в нем росло бросовое – осина гнила на корню, грибы не водились вообще, и даже редкая ягода долго не вызревала. Ходить в этот лес не ходили, только осенью на кабана, и не было в нем ни набитых ногами тропинок, ни вырубков, ни охотничьих навесов. Была единственная «барская» дорога, непонятно по какой блажи насленная по болотам и пробитая сквозь многочисленные песчаные гривки и островки. В первый год войны по лесу кто-то бегал друг за другом, бабахал громко из разных калибров, и вдруг схлынуло все куда-то бесследно. Дед в этой быстрой войне не участвовал, сидел в погребке и потому не видел, а только слышал, как кочующая немецкая батарея пятью залпами размолотила деревушку Залучье в труху. Когда отгрохотало по деревне, осела пыль и успокоилась земля, дед плакал, подпирая головой погребный люк. Плакал и крестился, любуясь своим чудом уцелевшим пятистенком. Думал уже, чем будет забивать выбитые окошки, как соберет по новой осыпавшуюся трубу... Но затрещал с диким переливом зеленый мотоцикл и заглох, зараза, напротив дома.

Здоровенный немец чинил что-то долго в моторе, разложив на завалинке инструмент, а когда закончил свои дела, масляную тряпку поджег от зажигалки и закинул через битое окошко в горницу. Посмотрел, положив голову на плечо: хорошо ли разгорелось? Наступил на хвост шальному любопытному куренку, меченному синькой. Насадил его на штык и уехал, держа карабин с трофеем как знамя. Дед смотрел на все это внимательно и все крепко-накрепко запоминал. Зачем – старый и сам этого не знал.

Три военные зимы он прожил в своей просторной и новенькой баньке – сын, сгинувший на финской, сложил перед срочной службой. Поставил в предбанник буржуйку, найденную на соседском пожарище, на ней и готовил. В первую же весну образовалась у него внучка Евлампия, по метрике, зашитой в пальтишко, семи лет от роду. Бог послал, решил дед, грех отка-

¹ В 2005 году рассказ получил вторую премию на конкурсе Союза писателей РФ «Русская тема».

зваться. Послал, подарил, просто как в «Житиях». Ранним утром на гноище, среди мерзости запустения, сидела в мертвой и разоренной деревне на колодезной скамейке светловолосая девочка. Рисовала, улыбаясь, солнце прутиком на земле, и дед даже вздрогнул от этой безмятежной картины, когда приволокся за водой. С дедой Саней она и ушла от колодца, уцепившись за дужку ведра детской ручонкой – помогала. И деду это очень пришлось по душе. Калеными овечьими ножницами, подобранными на пепелище, он остриг девчонке вшивый колтун из волос, а когда попытался вымыть Елочку в тазу, изумился ее ангельскому терпению и каменной молчаливости. Потому что не было на ней живого места. Все детское тельце представляло собой один синяк, и через тонкую кожицу были видны ломаные ребрышки. Марфа, сестра покойницы-жены, иногда навещала и подкармливала деда-погорельца, и происхождение новой внучки объяснила, даже не задумываясь:

– С поезда ее мать кинула, не захотела дитенка к немцам везти. Найдет потом, если, конечно, захочет. Саня, куда тебе еще один рот?

Дед пожевал бороду и буркнул, глядя в угол:

– Прокормимся, не маленькие.

На следующее утро дед туго запеленал Елочкины ребрышки рваными полотенцами, вымоченными в отваре зверобоя, уложил ее на лавку и ушел в лес. Метрах в десяти от опушки он наткнулся на вздутого красноармейца с развороченным затылком. Выкрутил из цепких мертвых рук родную, еще «царскую» трехлинейку с граненым казенником, а в палой листве собрал четыре десятка патронов. В тот же вечер дед убил двух матерых кабанов, из которых одного сала натопилось ведро с четвертью, а мяса вышло столько, что остатки безнадежно прокисшей солонины дед выкинул только следующей весной.

А еще через весну гнилой лес у подножия деревенского холма вдруг зашевелился. Дед изумленно глядел, как ночами на болотных островах полыхали неземные, ацетиленовые огни, слушал визг пил и рев какой-то техники. Мартовский ветер далеко носил над полями гортанные крики чужеземцев. Немцы спешно ладили оборону по всему лесу, а останками Залучья не интересовались вообще, только заминировали по всей длине опушку, натыкав в мерзлую землю противопехоток.

Через день загрохотало, и еще неделю лес бурлил, кипел, полыхал и постепенно редел. Бригада советских самоходок продавила насквозь лесной массив тупым, но упорным шилом. Исклеванные снарядами машины выбрались на бугор, где когда-то стояло Залучье. Расползлись по заснеженным огородам, встали на пожарищах за печами, сараями и открыли бешеный огонь по своему еще не простывшему следу. Выбежавшая из леса толпа немцев наткнулась на свое же минное поле и чужую шрапнель, попятилась, распадаясь на отдельные неподвижные холмики, и бросилась назад, в иссеченную осколками чашу. А самоходки вдруг перестали стрелять, сползли в колонну и рванули по пологим холмам на запад, прямо по снежной целине. Еще ночь в лесу стрелялись, летали невиданные снаряды с огненными хвостами, от которых к небу поднимались черно-багровые столбы пламени. Потом стреляли все реже и реже, замолчали последние забытые раненые, и осталась только крошечная тишь.

На опушке сухо треснула ветка, дед вздрогнул и, задрав полу черного френча, ухватился за кобуру, сразу же почувствовав пальцами сталь. Кожаную крышку с кобуры и верх от одной боковины дед срезал сапожным ножом еще в конце марта, после дикой и страшной встречи у этой танковой колеи. Времени тогда было чуть больше, уже вышло солнышко, и от проталин вверх полз пар. Он надевал Елочке на спину солдатский меховой ранец и, кое-как приладив деревянными пальцами одну лямку, стал нащаривать второй медный шпенек-застежку. Шпенек никак не находился, а потом кусты затрещали – и на край леса чертом выскочил человек. На нем была ярко-голубая шинель с огромной прожженной дырой на груди, плотно застегнутая на все оставшиеся пуговицы. Лицо и руки незнакомца были черны, как уголь, а на худом плече вихлялась винтовка. Увидев мотоцикл, деда и Елочку, он заорал:

– Девка, старый, стоять! Ко мне ходи, падлы, быстро-быстро, ком!

Дед бросил непослушную лямку и уставился на незнакомца. Но тот, ни слова не говоря, вдруг сорвал винтовку с плеча и, ловко припав на правое колено, почти без интервала выстрелил по ним три раза. Первая пуля прошла аккуратно между головами деда и внучки. Второй пуле старому солдату пришлось поклоняться, но пальцы его упорно скребли и скребли непослушную ко-бурную застежку-рамочку, пробрались уже под кожаный лопух и нащупали фигурный торец парабеллума с флажком-предохранителем... Но третья пуля, наверное, убила бы Елочку неминуемо, если бы дед не бросился на нее коршуном. Повалил, вдавил в грязь и, наконец, вырвал из-под полы френча руку с пистолетом. Бес исполнил какое-то нелепое коленце так, что в воздух взметнулась шинель, и бросился к ним через заминированную полосу, прыгая по ржавым кольцам колючки. Дед еще сильнее ткнулся бородой в грязь и укрыл ладонью-лопатой детскую голову. Рвануло раз, и два, и три. В небо полетели куски чего-то красного и клочья голубого. Босую ногу с размотавшейся портянкой гулко шваркнуло о пустой горелый пень, а увесистый шарик из шпринг-мины тюкнул Елочку по голове. Хоть и на излете, но убил бы, если б не дедова лапа и часы. Шарик вошел в противоударный корпус швейцарского хронометра Felca. Вошел плотно, внатяг, дед не смог его выковырять, так и выбросил их вместе. В жестяной банке из-под немецкого бульонного порошка он выбрал себе другую пару часов, чуя, что проносит их до самой смерти...

Мотоцикл закрипел – Елочка проснулась и выбралась из коляски. Дед залюбовался заспанной внучкой: крошечные сапожки на стальном шипованном ходу он сокращал до нужного калибра сам. Черную суконную юбку они откопали в кожаном саквояже, который просто стоял на стволе поваленной осины. Там же для Елочки нашлось зеркальце в серебряной оправе, серебряный с позолотой футляр с краской для губ и роговой гребень с остатками чьих-то светлых волос. Пачку надушенных писем дед тоже забрал с собой и вечерами разбирал каллиграфические строки под карбидной лампой. Ничего в них не было интересного. Немецкий, худо-бедно разученный на империалистической, вдруг четко вспомнился, дед подивился этому явлению, а письма потом извел на растопку – курить их посовестился.

Еще одной гордостью деда была белая ватная куртка-выворотка. На себя дед Саня давно махнул рукой, а Елочку постарался одеть не с мертвяков. Немецкого связиста-недомерка они обнаружили едва ли не в первый поход в лес. Он бросил полуразмотанную катушку с красным проводом и неподъемный полевой телефон на брезентовой лямке. Присел под кривую березу справить нужду и был убит в голову осколком размером с железнодорожный костыль. Беленькая курточка так и осталась висеть на сучке, а связист так и остался лежать со спущенными штанами.

Курточка пришлась кстати. Опять стало подмораживать и задувать с севера по низу. Елочка топала следом, пытаясь попадать ножками в дедовы следы, и куталась в старую вязаную кофту-решето. Под эту одежду дед надевал ей по три свои рубахи, жилет из коровьей шкуры и еще бог знает какую рвань. Но от холода все это не спасало, и Елочку все время трясло как в ознобе, а по ночам она страшно бухала в подушку. И тут на березе висит курточка, детская даже на вид! Дед Саня за последние три года разучился удивляться. Он только пощупал подкладку – не сырая ли? Накинул курточку на внучку, застегнул пуговики и оборвал с рукавов красные опознавательные ленточки. Домой вернулись в обнове, и в этот день что-то лопнуло у деда в душе. Посмотрел он на себя внимательно, на старости лет в бане проживающего. Вспомнил и Залучье разоренное, и могилку жены-покойницы, на которой наша самоходка случайно развернулась, и немца с куренком, насаженным на штык, тоже припомнил. На Елочку, сироту немую, пришибленную, еще раз поглядел. И не стало в нем больше ни стыда, ни жалости.

Нечаянно выяснилось, что в Русе сестра жены расторговалась по-крупному. С железной дороги, где она работала при немцах, ее турнули. Марфа торговала зажигалками, презерва-

тивами, строго из-под полы – крошечными фляжками с французским коньяком, ворованным еще у немцев. Таскала вареную картоху к поездам и меняла ее на белье и стрептоцид. Лучше многих жила и по большому счету спасла и деда, и чужую внучку. Но в этот раз дед Саня пришел к ней не христорадничать, а с толстой серебряной цепью, на которой висел золотой образок со святым Христофором, католическим покровителем странствующих. Цепь сама по себе раздобылась случайно... Дед Саня в свои 75 ни черта, ни войны, ни мертвецов не боялся. Поэтому когда остро встал вопрос о походе в Русу, а это 60 верст в обе стороны, дед понял, что в своих опорках он туда не дойдет. Не дойдет и босой. А сапоги валялись всего в одной версте от их баньки, там, где толпа немцев угодила под шрапнель самоходок. С мерзлых ног обуви слезать не хотела. Дед сходил домой и вернулся с колуном. Одним ударом раздробил голеностоп, сдернул сапог с ноги и вытряхнул лишнее. Стал примерять и тут заметил золотой образок, выглядывающий из стиснутого немецкого кулака. Это блестели хлеб, керосин, расписные книжки для диковатой Елочки, чай, табак. Дед долго ковырял побелевшую руку, но пальцы стиснули душевное утешение воистину намертво. Не помог и штык-нож, взятый у соседнего мертвеца. Тогда дед перекрестился и отмахнул кисть напрочь. К ночи рука оттаяла за печкой, и к полудню дед уже стоял рядом с прилавком Марфы на толкучке в Русе. Сестрица обновила:

– Дед, где ты себе сапоги такие справил?

– На поле валялись.

– Проросли, что ли? Дед, ты чего, озимыми сапоги посеял? Да тебе госпремию выписать надо! Слушай, дед, выручай, мне еще сапоги нужны. Если яловые найдутся, так они на часы с ходу меняются. Или муки десять кило. Людям ходить не в чем. Ты подумай, а? Чем кормиться собираешься? А строиться будешь?

Марфа была права, и они сговорились. Потом дед закупил припасов и попытался навести справки о Елочкиной маме. Но отделение «Трудового фронта на восточных территориях» немцы, уходя, благоразумно спалили, а рассказать толком, что с ней случилось и откуда она взялась, Елочка так и не смогла. Молчала как рыбка и росла красавицей.

Дед с Елочкой стали ходить в лес как в поле, с утра до ночи. Когда дед нашел мотоцикл, стали ездить. Красавец БМВ сидел брюхом в грязи, и немцы, по-видимому, просто не успели его вытолкать на сухое место. Дед, который на трофейном ДКВ объехал всю Галичину вдоль и поперек, осмотрел машину и понял, что ничем она не отличается от той немецкой трещотки 1915 года выпуска. Проверил свечи, накачал бензина в карбюраторы и, вывернув рычаг угла зажигания, ткнул ногой в стартер. Мотоцикл взревел – дед скинул обороты до малого. С битого «ганомаса» принес масляный домкрат, поднял машину из грязи и по загаченной жердями дороге вывел мотоцикл по танковым следам из проклятого леса в поле. За несколько недель дед загрузил немецкими галетами весь банный чердак. Туда же отправил десятилитровую канистру спирта. Сложил во дворе целую поленницу из лопат, ведер, тазов, умывальных кувшинов и чайников. В огороде, во вздутой после взрыва бензиновой бочке, оттаивали отрубленные ноги в сапогах или ботинках, и Елочка бегала с чайником, подливая в ледяную воду кипяток. В погребе валом лежали консервы с сардинами и паштетом, шоколад в круглых пачках по пятьдесят штук. В соседском сарае на веревках и плащ-палатках проветривались десятки отстиранных френчей, портков, свитеров.

Чего только не насмотрелся ребенок во время этих походов! С дедом они ворошили лопатами слипшиеся трупы в блиндажах, ковырялись в огромном брошенном полевом госпитале, вытаскивая из-под трупов простыни и наволочки. Разбирали горелые обозные фуры с офицерскими чемоданами и солдатскими ранцами. Но в мае страшно запахло мертвечиной, и больше до поздней осени они в лес не ходили.

Когда березовый лист стал распадаться в пальцах, дед завез на расчищенное пожарище полуторку леса, а потом в Залучье появилась первая живая душа. Гармонист Леха пришел на

родное пепелище с тощим вещмешком и аккордеоном с хроматическим строем, на котором он совсем не умел играть. Выпили они с дедом как следует, сидя среди бурьяна, прямо на ярко-красной ржавой кровати. Леха все пытался затопить печь – единственный годный предмет в своем хозяйстве, а потом лег на угли лицом вниз и зарыдал от бессилия и тоски. Утром помятый гармонист пил чай и думал.

– Чего будешь делать, Леха?

– В Русу поеду, работу искать. Найду – семью выпишу. Тут нет расчета оставаться. Ни построиться, ни хозяйство завести...

Леха махнул рукой и закурил. Дед ходил в предбанник и долго гремел там банками. Вернувшись в парную, он высыпал на стол десяток часов и все это добро придавил колбаской, скрученной из разнокалиберных серебряных и золотых цепочек.

– На, стройся Леха, не побрезгуй. Это твое по праву. Я с фрицев контрибуцию получил.

После Лехи дед Саня отстроил в деревне еще десять домов, а последнюю, самую дорогую трофейную вещь – часы с золотыми крышками и бриллиантовой осыпью, отдал колхозу, чтобы опять была в Залучье ферма.

В середине 50-х Елочка заневестилась, и дед пошел опять в лес – искать приданое. Дед собирал и волок в Русу стреляные гильзы и наводящие пояски от снарядов. Один снаряд, 120-миллиметровый «отказник», прошедший канал ствола, сработал у деда Сани прямо на коленях. Хоронить, по совести, было нечего, но хоронили деда всей округой. А за иконами в завещании нашли план двух десятков советских братских могил – дед подбирал наших, не оставлял зверью на поругание. План, согласно воле покойного, отправили в Русский военкомат, но оттуда за нашими солдатами так никто и не приехал. В конце 80-х годов валяющуюся в архиве карту деда Сани отдали заезжим поисковикам. А когда те появились в огромном селе Залучье целым следопытским отрядом, выяснилось, что заросли уже давным-давно и бесследно исчезли все дедовские тропы, дороги и засечки.

P.S.

Рассказ написан по воспоминаниям жителей Новгородской области. Последние описываемые события – отступление немцев в 44 году.

Мертвые ждут бессмертных

*Человек без головы
собирал в лесу грибы.
Ягоды и травы – наварить отравы.
Всех накормит, всех напоит,
спать уложит, успокоит.
Всем он как родной отец,
вот и сказочке конец.*

Я совсем не ожидал, что эта страшненькая считалка, которой мы выравнивали дыхание на длинных лесных переходах, произведет на Егора такое впечатление, застрянет в маленькой душе, как заноза. Последние сутки мы передвигались исключительно звериными тропами. Сын шагал сзади, все время держась за свой нож, и поминутно оглядывался. Пару раз он доверительно говорил мне:

«Папа, Он идет за нами! Ну как ты не видишь! Без головы человек, с корзинкой! Оборачиваешься – и он в пень превращается». Я вглядывался в сумрак чащи, иногда сходил с тропы, таился – пытался развеять детские страхи. Не получалось. Если бы я мог расколдовать седой осиновый пенек и выстрелить безголовому в грудь картечью... Сын, может, и расстался бы с придуманным образом. Мы бы вместе похоронили эту сущность под буреломом...

Егор вырос в лесу, но леса все равно боялся. За берестой или водой он ходил страшно неохотно, через силу. Обычно останавливался на краю лагеря, маялся, держась за нож. Вглядывался в бездонные лесные трущобы, копил решимость, собирал ее в кучу. Фигурка сынки в эти секунды неуловимо съеживалась, а стриженная головешка как будто просила тепла взрослой, ласковой ладони. Он опять становился тем, кем был, – шестилетним крохой, которого отец зачем-то таскает в далекие походы по местам, от которых и взрослых берет оторопь. Мне в эти секунды хотелось только одного – подойти к сыну, прижать его к себе и поцеловать в макушку. Что-то удерживало. Испуганных собак нельзя гладить, они понимают это как приглашение к страху. Наконец, сломав себя о колено, Егор делал осторожный шаг вперед и исчезал в высокой траве.

Я вдруг вспомнил заученную и благополучно забытую цитату из книги о древних земляных верованиях: «Уход детей в лес был уходом на смерть. Вот почему лес фигурирует и как жилище Яги, и как вход в Аид. Между действиями, происходившими в лесу, и подлинной смертью особого различия не делали». Егор боялся прошлого своих далеких предков или боялся как они? Какая разница... Испуганные души бесчисленных маленьких прадедов вибрировали у ребенка внутри, и я видел, как тяжело ему нести это наследство. Я сам чувствовал себя неуютно в этих местах, которые на немецком штабном жаргоне назывались «северные джунгли». Гнус, болота, буреломы, малоизученный малярийный возбудитель в загнившей воде бесчисленных воронок. Совершенно дикая, заросшая речка-лабиринт с говорящим названием Глушица петляла по лесу и была после жаркого лета единственным водопоем на десятки километров окрест, и вокруг нас все время кипела неведомая жизнь. Нечеловечьи тропы напоминали велосипедные дорожки в городском парке. Звериные трассы шли через неодолимые кусты-шкуродеры или ныряли под поваленные деревья. Егор проходил под ними не сгибаясь, свободно, а я пролезал, кряхтя и цепляясь стволom карабина. Под каждым кустом здесь кто-то жил, лежал, обитал. Кто-то ночами трогал осторожным рыльцем металлическую посуду, замоченную в воде, пил шумно, плескаясь и фыркая... И каждый вечер мы слушали концерт, от которого холодело сердце, а сильные руки вдруг становились мягкими, как воск, и страшно

было выходить из огненного круга, очерченного костром. Семья волков жила в полукилометре от нашей стоянки, и каждый вечер они ругались, как забитые жизнью муж с женой, но на своем языке. Вой волка способен даже самого веселого человека загнать в депрессию. Я, чтобы не впадать в грех уныния, представлял себе сцену на лесной кухне. Допустим, россиянин-муж проиграл на игровых автоматах деньги, отложенные на отпуск в Турции. Хотел выиграть на отпуск на Канарах, но не сложилось. Когда волчица затыкала зло и отрывисто, я подумал, что проигранные деньги, видать, были не накоплены, а взяты в банке по специальной кредитной программе для жертв телевизора... После словесных разборок дуэт слаженно жаловался на свою долю и одиночество. Луна жарила, как осветительная ракета, превращая лес в мертвый театр теней со странным полифоническим сопровождением. На фоне далекого воя слышались и чьи-то близкие, осторожные, приближающиеся шаги, хруст ветки, раздавленной то ли ногой, то ли лапой, стук сухих древесных стволов друг о друга...

Егор в эти минуты прижимался ко мне, и я брал его ладошку в свою руку. Один раз мы услышали, как с каждой новой мужской партией волчий вой становится все ближе и ближе. Он оборвался совсем рядом, и стало ясно, что зверь начал нас скрадывать. Ладошка Егорыча мгновенно вспотела, просто стала мокрой в одну секунду. Но он не сказал мне ни слова, даже не пошевелился. Сидел на бревне, положив голову мне на колени, и смотрел в угасающий костер. Я поднялся и несколько раз шарахнул из карабина в темноту, а потом закатил в огонь огромный сухой пенёк. Мы замешали какао так, что в котелке встала ложка, и час слушали радиоприемник, не жалея садящихся батареек. Егор «ловил инопланетян» – искал в эфире непонятные, космические звуки или странные голоса, которые на самом деле были «отзеркаленными» станциями с других диапазонов.

Утро развеивало ночные страхи, давило их солнышком, как клопов. После завтрака мы отправлялись в путь искать вход в Аид. Где-то в этом районе на берегу одной из бесчисленных стариц Глушицы выходящая из окружения группа лейтенанта Скоробогатова попала под перекрестный огонь двух немецких пулеметов. До пулеметных расчетов было не больше двух десятков метров, и озверевшие окруженцы пытались их сбить штыками, расстрелять в упор. Из полусотни человек в живых остался только один – сам лейтенант. Он и рассказал мне перед смертью про эту атаку еле двигающихся живых мертвецов, пытался даже нарисовать схему дрожащими руками... И не смог – запутался, заблудился в своих воспоминаниях и расплакался детскими, светлыми слезами.

Стариц здесь было чуть больше десятка, половину мы уже осмотрели – от места впадения в Глушицу на километр вверх по течению. На завтра оставалось одно перспективное место – два почти параллельных притока между устьями – брод и начало военной лежневки. Собственно брод и дорога объясняли наличие пулеметов на станках в глухом лесу. Мы никуда не спешили – мертвые ждали нас.

Перед сном я свалил гигантское сухое дерево, обломанное бурей на треть. Кое-как поставил ствол вертикально, присел. Потом встал, уже с грузом. Отбалансируя бревно на плече и пошел. В глазах потемнело, моховые кочки плюшились ногами, как спелая клюква. Я шагал и думал, что гореть этому бревну синим пламенем до утра жарко и ярко, на страх всякой хищной мохнатой сволочи, бесам и безголовым грибникам-гуленам. Егор восхищенно вздохнул, когда я уронил этого исполина прямо в костровую яму, и тут же сел в траву не в силах шевельнуться. Сердце сместилось куда-то под горло, и я вдруг четко расслышал его стук. Никогда в жизни не слышал. Быстрый стук сердца и какой-то плавающий. Сын заглянул мне в лицо:

– Пап, ты чего?

– Принеси чаю, – язык еле ворочался, слова вязли, как в подушке, я не слышал сам себя. Такое было несколько раз, после каждой контузии. Но там еще в ушах сыпался на туго натянутую пленку песок, а сейчас я мучился тишиной. Очнулся через минуту. В кружке, которую Егор держал обеими руками возле моего рта, плескалась дегтярная, черная жидкость. Я сделал

несколько глотков, подивившись, что не чую ни вкуса, ни запаха. Мучительно захотелось лечь. Не помню, как я забрался в спальник. Егор еще посидел у костра, больше демонстративно, чем по какой-то надобности. Собрал разбросанную посуду в кучу, спрятал пилу и топор под тент – я это отметил оборванной мыслью, проскочившей где-то на периферии сознания, и даже попытался улыбнуться. Потом сын переоделся в «спальные» вещи и привалился к моему боку теплым тельцем. Мы заснули. Я больше не проснулся.

...Отец говорил, что любит смотреть, как я встаю. Я вставал «кувырком» – выкатывался из спальника коlobком – и сразу на ноги. Отец, наоборот, просыпался тяжело, говорил: «Как из блиндажа заваленного выбираюсь». Вылезал не спеша, долго сидел на спальнике, сложив ноги по-турецки. Расстегнув молнию, смотрел через порог палатки в небо и, если была хорошая погода, всегда замечал: «Ну вот, даже солнышко улыбнулось нам». Я проснулся поздно, когда воздух в палатке ощутимо прогрелся, хотя ночь была ледяная. Обычно под самое утро в моем углу спальника становилось нестерпимо холодно, и я прижимался к спине отца. Я знал, что он, спящий, не любил касаться во сне других людей. Шутил: «Волчья привычка, даже во сне – сам по себе». Но каждое холодное утро он переворачивался на другой бок и подгребал меня к себе правой рукой. Знал, что я замерзаю, и дрожь моя проходила через несколько минут – я опять проваливался в сон уже до самого окончательного пробуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.